

Рассказы

ИСТОРИИ СОСЕДНЕГО ДВОРА

Екатерина

Суворова

Екатерина Суворова
Истории соседнего двора

«Автор»

2026

Суворова Е.

Истории соседнего двора / Е. Суворова — «Автор», 2026

Прямо сейчас, за стенами вашей квартиры, в подъезде, в проезжающем автобусе разворачиваются драмы и комедии, о которых вы никогда не узнаете. Эта книга приоткрывает дверь в эти прекрасные миры. Перед вами — рассказы о простых людях. Они — наши современники и соседи. Все истории основаны на реальных событиях. Имена изменены, но суть сохранена. Здесь вы встретите: Героев, чья отвага осталась без орденов. Владельцев таких совпадений, над которыми посмеялась бы сама судьба. Хранителей смешных и абсурдных тайн. Людей, чья внешность — обманчивая маска, скрывающая глубокую боль или безудержную радость. «Истории соседнего двора» — это гимн обычной жизни во всем ее многообразии. Это взгляд в лицо тем, кого мы привыкли не замечать, и открытие вселенной в каждом человеке. "Черника, сахар и человечность" - 1 место в III Всероссийском литературном конкурсе «Экология души». «Четыре минуты» - 2 место во II Международной Персональной историко-литературной Премии Людмилы Лазубной «Сильные духом».

© Суворова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Таксист, который пережил свои похороны	5
Запах сырников	7
Дружок	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Екатерина Суворова

Истории соседнего двора

Таксист, который пережил свои похороны

Нужно было ехать в Нижний, мороз был 27 градусов и моя машина решила не заводиться, а провести этот день в гараже. Пришлось вызывать такси.

Машина приехала быстро. В машине пахло кофе, жвачкой и едва уловимым ароматом хвои от дешёвого освежителя «Лесная свежесть». Таксист, представившийся просто «Саней», был мужчиной лет пятидесяти, с проседью в короткой стрижке и удивительно спокойными глазами. Вел он «Ладу-Гранту» плавно, почти медитативно, как будто катал не пассажира, а драгоценный хрустальный сервиз по ухабистой дороге.

— Через переправу едем или через Гороховец? — спросил он голосом, в котором не было ни капли привычной таксистской усталости, а чувствовалась уверенность и лёгкость.

— Как быстрее?

— Сейчас паром ходит по графику, успеем, — он посмотрел в зеркало заднего вида и вдруг улыбнулся. — А я ведь эту дорогу как свои пять пальцев знаю. И в дождь, и в туман, и в таком состоянии, что хоть святых выноси.

В его тоне была не исповедь, а скорее лёгкая самоирония, как у человека, рассказывающего анекдот про своего глупого родственника.

— В каком таком состоянии? — улыбнувшись, поинтересовалась я.

— В бессознательном, можно сказать, — он засмеялся. — Я, ведь, полжизни профессионально пил. Не как все — по праздникам, а с размахом, с самоотдачей, как в последний раз. Работал-то на том же заводе, на Горизонте. Зарплату в пятницу получил — в понедельник на работу являлся прозрачный, как медуза. Жена ушла, дочь отцу-алкоголику в глаза смотреть не могла. Друзья... какие друзья у пропойцы? Одни собутыльники, которые исчезают, когда у тебя закончились деньги.

Он спокойно объехал выбоину, будто огибал целую пропасть.

— И была у меня тогда «берлога» — угол в полуразваленном гараже. Табурет, печка-буржуйка и запах, который въелся в стены навечно. И вот в один прекрасный день, вернее, ужасный, случился у меня «апокалипсис». Накатил так, что мир перевернулся. Помню последнее — потолок поплыл. А дальше — чёрная дыра.

Александр сделал паузу, давая мне представить эту картину.

— Очнулся я от страшной тишины. И темноты. Не просто темноты, а тесной, давящей. Я лежу на спине, и надо мной — крышка. Деревянная. Близко-близко, носом почти упираюсь. Дубовая, массивная. И мысли, чистые, как стекло, пронесли: «Всё. Конец. Умер. В гробу». И тут же — кадры, как в кино. Жена молодая улыбается, дочка на руках, завод, друзья за столом... Вся жизнь, которую пропил, пролетела за секунду. И такое чувство стыда и тоски накатило, даже страха не было — одна горечь. «Ну вот и всё, Санёк. И лежать тебе теперь здесь, в этом ящике, пока не сгниёшь».

Он снова посмотрел в зеркало, и в его глазах плескался неподдельный весёлый ужас. — И знаешь, что я сделал? Я начал кричать. Отчаянно, на весь белый свет. «Я ещё живой! Откройте! Ой, братцы, ошиблись вы!» От страха сковало всё тело, пытался бить кулаками по этой «крышке». А она — не поддается. Кричал, пока голос не сел. И зарыдал, как малое дитя. Лежу, реву и думаю: «Ну вот, даже мёртвым быть — и то не смог нормально».

Мы подъезжали к переправе. Впереди уже виднелась очередь из машин.— А потом, — продолжил Александр, сбрасывая скорость, — у меня кончился воздух. Совсем. Так по край-

ней мере мне показалось. И в отчаянии я упёрся руками и изо всех сил дёрнул эту «крышку гроба» на себя.

И... свет! Свет божий, запах бензина и машинного масла! Я вылез, отдышался и огляделся. Мой гараж. Буржуйка. И перевёрнутая табуретка. Я ночью, видимо, как напился, с неё грохнулся, а она упала на меня так, что сиденьем мне на лицо. Вот эта самая «дубовая крышка». А я, дурак, решил, что в загробном мире оказался.

Он рассмеялся уже от всей души, и я не могла не присоединиться.

— С тех пор, — сказал он, вытирая слезу умиления с уголка глаза, — ни капли. Как отрезало. Жена, увидев, что я третий месяц на минералке, вернулась. Дочь теперь со мной кино смотрит. А на такси пошёл работать, чтобы людей возить, а не самого себя в гроб. Иногда пассажиры спрашивают: «Мужик, чего ты такой спокойный? Ничего не бесит?» А я молчу, улыбаюсь. Потому что знаю главную жизненную мудрость: пока ты дышишь и над тобой небо, а не табуретка, — всё поправимо. Самое страшное уже пережил — свои собственные похороны в гараже за «Спартаком». Дальше только жизнь.

Мы въехали на паром. Александр заглушил двигатель, вышел из машины, чтобы подышать речным воздухом. Он стоял у борта, прямой и уверенный, глядя на расстилающуюся перед нами Оку. И в его осанке было что-то от человека, который действительно получил второй шанс. Не после чуда, а после самого нелепого и страшного урока, который только можно себе представить. И выучил его на отлично.

Запах сырников

В ту субботу утром в моём маленьком доме пахло покоем и воскресеньем, хотя до него был ещё целый день. Солнце щедро лилось в окна, выхватывая из полумрака кружащую в воздухе пыль. Я стояла у плиты. На сковороде с шипением подрумянивались сырники — румяные, пышные, пахнувшие ванилью и тёплым творогом. Это был мой маленький ритуал счастья.

Вдруг — стук в дверь. На пороге стояла соседка, баба Тоня, с литровой банкой парного молока в руках.

— На, внучка, — протянула она. — Наша Бурёнка порадовала. Решила тебе отнести, ты тут одна.

Я, радостная, засуетилась, приглашая её войти, благодарила.

— Проходите, садитесь! Я как раз сырники жарю, попробуете!

Она молча вошла, поставила молоко на стол и села на краешек стула. Смотрела, как я переворачиваю золотистые кружочки, и вдруг её лицо, обычно такое суровое и спокойное, задрожало. Из её голубых, выцветших от времени глаз потекли слёзы. Сначала тихо, а потом её всю затрясло от беззвучных рыданий.

Я остолбенела. Сковорода в руке застыла в воздухе.

— Баба Тоня? Что вы? Вам плохо? — кинулась я к ней, испуганно обнимая за острые плечи. — Что случилось-то?

Она какое-то время просто плакала, уткнувшись в платок, а потом вытерла лицо, сделала глубокий, прерывистый вдох и посмотрела на меня. Взгляд её был прозрачным и бесконечно далёким.

— Прости, милая... Не сдержалась. Пахнет-то как... Сырниками. — Она снова всхлинула. — У меня... у меня дочь тоже их любила. Больше всего на свете.

И она начала рассказывать. Медленно, тихо, будто доставая с самой глубины давно закопанную боль.

Дочь её, Рита, была красавицей и умницей. Вышла замуж за парня видного, из хорошей, казалось бы, семьи. Все завидовали. А потом началось. Он пить стал, характер показал. И бить.

Сначала тайком, потом уже и не скрываясь. Родился один ребёнок, второй, третий... Всего пятеро. «Куда уйти-то? — говорила она матери. — Пять детей на руках. Да и засмеют все. И его жалко — пропадёт без меня».

Баба Тоня билась как рыба об лёд. Уговаривала, умоляла: «Бросай его, переезжай ко мне, в деревню! Помогу, поднимем!». А Рита только отмахивалась, бледная, с синяками под глазами: «Всё хорошо, мам. Не надо. Он любит нас, просто тяжело ему».

— А потом она заболела, — голос бабы Тони стал беззвучным шёпотом. — Рак. Врачи сказали, на фоне стресса, ударов... Муж её как раз на вахту уехал, на север. А я к ней перебралась. Она уже и не вставала...

Она замолчала, смотря сквозь стену кухни в ту страшную комнату прошлого.

— И вот однажды, это уже весной было, перед Пасхой, она меня позвала. Глаза такие огромные в исхудавшем лице. И говорит: «Мам, знаешь, чего мне так хочется? Сырников. Жареных, румяных, с малинкой...» А я, дура, — баба Тоня ударила себя кулаком по колену, — я ей говорю: «Доченька, да пост сейчас. Великий пост. Нельзя молочного. Вот пост закончится, на Пасху, я тебе целую гору напеку!». Она так кивнула... и ничего не сказала.

Бабушка закрыла лицо натруженными руками.

— Я вечером ушла к себе, на часок, бельё проверить. А утром пришла... а она... уже холодная. Уснула и не проснулась. Муж с вахты через три дня приехал... на похороны.

Тишина в кухне стала густой и тяжёлой. Даже шипение масла в сковороде казалось кощунственным.

— И вот с тех пор, — выдохнула она, — вся моя жизнь — об этих сырниках. Каждый блин, каждая оладушка — мне словно ножом по сердцу. Пожалела я их для неё. Пожалела из-за поста, из-за глупых правил. Её последнее желание... самое простое... а я отказала. Что мне этот пост теперь? Что все эти обеты? Я бы каждый день сейчас жарила ей сырники, целыми тазами! Готовила бы, кормила, хоть крошечку в рот положила... Да поздно. Уже некому.

Она подняла на меня глаза, полные немой, вселенской вины, которую уже не искупить.

— Вот так и живём. Грех мой ношу. А запах этот... — она снова всхлипнула, глядя на мою сковороду, — он самый сладкий и самый горький на свете.

Я не знала, что сказать. Никакие слова не могли утешить эту рану, выжженную на всю жизнь. Я молча сняла со сковороды самый румяный, самый красивый сырник, положила на тарелку, капнула на него малинового варенья из своего погребка и поставила перед ней.

— Баба Тоня, — тихо сказала я. — Это не постной едой, а любовью надо было её кормить. Вы-то любовью и кормили. До самого конца. А сырники... Думаю, там, где она сейчас, ей всё можно. И она точно простила. Простила сразу.

Баба Тоня долго смотрела на парящий над тарелкой дымок, на золотистый бочок. Потом медленно взяла вилку, отломилась маленький кусочек и поднесла ко рту. Она ела, и слёзы текли по её щекам, смешиваясь с вареньем. Ела за свою Ритку. За ту тарелку, которую так и не успела приготовить.

А запах сырников в тот день приобрёл новый, горько-сладкий смысл. Он стал запахом вечной материнской любви и вечного материнского раскаяния, которые иногда — одно и то же. И больше я никогда не жарила их, не вспомнив эту историю. И всегда знала — если очень сильно захотелось сырников, нужно бежать за творогом немедленно.

Потому что завтра может быть поздно.

Дружок

У магазина «Продукты», что на центрально

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.